

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОЭТИКЕ РАССКАЗОВ ВЛАДИМИРА КУПРИЕНКО

Разбирать произведения здравствующего писателя, уже достигнувшего должного признания, опыт рискованный, но заманчивый – от классиков ни опровержений, ни похвал ждать не приходится. В этой статье речь пойдёт о книге «Рагу из мухоморов» – последней по времени и во многих отношениях типичной для понимания авторского мировосприятия В. Куприенко. Рассказы, составившие сборник, вроде бы, вполне прозрачны, но загадка художественного попадания в десятку остаётся. Как получилось так точно?

I. Структура и смысл

Двадцать семь вошедших в книгу произведений могут быть названы рассказами лишь с обычной литературоведческой поправкой на условность – очевидно, что художественная фактура малой формы, избранной Куприенко, требует более точного определения. Общий подзаголовок «С миру по строчке» можно было бы охарактеризовать как жанрово безответственный: акцент здесь сделан именно на принципиальной разнородности включённых в книгу историй; как объясняет автор, «сюжеты рассказов мне подарили друзья-приятели-знакомцы со всей России и всего света. <...> Вот и получилось – с миру по строчке» (С. 2)¹. Понятию «бродячего сюжета» здесь будто возвращается его изначальный смысл: география источников для вдохновения – от Благовещенска до Берлина. Потенциально литературно-географический ареал может стать ещё шире, потому что автор предлагает делиться сюжетами и читателям: «Читайте,

---

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию: *Куприенко В.А. Рагу из мухоморов. Благовещенск, 2008. Страницы обозначены в круглых скобках после каждой цитаты. Курсив принадлежит нам. – С.О.*

если будет настроение. Дарите мне свои сюжеты, если не жалко» (С. 2).

Но «бродячие сюжеты» в традиционном их понимании – это сюжеты инвариантные; сюжеты, собранные в «Рагу из мухоморов», принципиально ситуативны и «одномоментны» по своей событийной природе. Лишь в некоторых случаях в основе рассказа лежит событие, которое может быть названо выдающимся, – таковы, к примеру, рискованная дегустация того самого рагу, которое дало название всему сборнику, встретившийся герою рассказа «Ведунья с улицы Конной» призрак, внезапный приезд в заброшенный посёлок группы артистов («Шкура старого медведя») или неожиданное чувство Лизоньки Тарской («Пятилетняя невеста»). Но и в этих случаях разворачивающееся действие заканчивается некой сюжетной ретардацией – гастрономическим удовлетворением рассказчика, душевной успокоенностью Клопова, удачной сделкой между малолетним жителем посёлка и фокусником, а в «Пятилетней невесте» – отсроченной на тринадцать лет, но всё же состоявшейся идиллической свадьбой подросшей Лизаветы и не утратившего, видимо, за этот приличный срок своего обаяния Георгия. В то же время не является чем-то необычным кража из бомбоубежища в рассказе «В походе за справедливостью» – напротив, Зять и Тесть, кажется, последние, кто решился на похищение государственного имущества, и мотив их преступления кроется в банальной причине всероссийского обнищания. Вполне рядовым событием предстаёт драка в троллейбусе, в которой вынужден участвовать Паша Скрымин – ведь, как досадливо поясняет автор, «он вообще какой-то прибабахнутый – этот Скрымин. Ему вечно неймётся, он вечно попадает в какие-то передраги, его вечно куда-то несёт» (С. 49; рассказ «Борец за чистоту нравов»).

Эта обыденность, составляющая событийный план большинства рассказов сборника, – намеренная установка автора: его интересуют не столько исключительные происшествия, сколько эпизоды, моменты, случаи – всё то, что составляет повседневную жизнь. «Выдумывание» сюжета передоверено авторам своих жизней, им решать, будет ли она богатой на происше-

ствия, как у еврейских друзей Скрипаченко («В поисках национальности») или Анны с её китайскими друзьями («Книга для патриарха»), или же относительно спокойной, как у большинства героев рассказов. Здесь ещё раз нужно вспомнить подзаголовок «С миру по строчке» и внимательнее присмотреться к его внутренней форме. Отсылка к олешинскому девизу «Ни дня без строчки» если не подразумевается самим автором, то закономерно прочитывается в контексте его рассказов. Как и для автора «Зависти», бывалого репортёра «Гудка», автору «Рагу из мухоморов», не менее бывалому журналисту, важно не только типично репортёрское чувство темпа («Ни дня...»), не только акцент на мельчайшей единице журналистского вдохновения («...без строчки»), но и сама жизненная фактура, документальная основа, не лишённая, впрочем, живого элемента авантюристичности. Отсюда демократичность авторского обращения к читателям на предмет новых сюжетов и провозглашаемая «необязательность» чтения предъявленных текстов («под настроение»). Оптимальный художественный формат произведений Куприенко — не новелла или рассказ в классическом смысле, а скорее случай, байка, происшествие, тяготеющее к непредвзятой устной форме. В этом отношении характерна типичность зачинов некоторых рассказов: «Сидели пятеро мужиков в сауне, обмывали новую книгу прозы своего однокашника-писателя. Разные это были люди... Сильные мужики, ничего не скажешь» (С. 86; рассказ «Не имей сто рублей»).

Поэтому историко-литературные предпосылки стиля Куприенко прослеживаются вполне отчётливо, его авторская стратегия — это как раз то, за что ратовали формалисты ещё в двадцатые годы: не надо романов и других устаревших форм, истории нужно брать из жизни, а не придумывать, иначе говоря, вести борьбу против фабулы, за сюжет. По логике формальной школы, фабул уже напридумывали романисты, новым писателям же нужно обработать жизнь так, чтобы она стала литературой. Каждая судьба — потенциальный сюжет, каждое событие может быть удостоено нового взгляда. Поэтому персонажами рассказов сборника становятся русские эмигранты и депортиро-

ванные ссыльные, евреи и китайцы, студенты педагогического университета и заместитель мэра, участники съёмочной группы и инициативные уголовники, пенсионеры и безымянные возлюблённые, и даже пёс Кай и кот Изя, наделённые полноценными характерами и сложными судьбами. За всей этой многоголосой и преимущественно весёлой компанией, однако, не затерялся сам автор. Он редко берёт право первого голоса («В поисках национальности», «Время ещё есть», «Я люблю»), зато в полной мере пользуется ещё более широкими возможностями несобственно-прямой речи: усмехается над незадачливостью Сени Маркина, решившего испытать якутские морозы («Минус шестьдесят по Цельсию»), восхищается эффектной автогонщицей («Автогонщица»), разводит руками перед невезучеством Паши Скрымина, посмеивается над враньём Барышева («Тепло»), откровенно любит эффектным жестом вора Акимы, который на виду у всего двора сжёг мешки с якобы находившимися в них деньгами («Способ возвращения в зону»). При этом за характерными интонациями проступает своеобразный образ «бывалого человека», выносящего в зависимости от ситуации свои веские суждения. Часто автор появляется в качестве одного из героев, не выдавая своего присутствия: если внимательно следить за списком любимых вещей в рассказе «Я люблю», то можно догадаться, что и турист в Амстердаме, и сценарист, сын золоторазведчика, из рассказа «Снимался фильм», и пассажир, отведавший мухоморов, и писатель, спорящий о морали со своими изменившимися друзьями в сауне, и хозяин кота Изя — всё это угадываемые образы автора. Растворённая в художественной ткани двадцати семи повествований, эта жизненная полнота сгущается в последнем рассказе, самом простом с формальной точки зрения, но самом насыщенном с точки зрения эмоциональной: для выражения переполняющих чувств достаточно продолжать простую синтаксическую конструкцию «Я люблю...». Остановиться заставляют только рамки рассказа: «Пальцы недовольно дрожат, как бы просят: “Ну ещё чуть-чуть, а?!” Но мужчина твёрд: “Всё. Никаких чуть-чуть. Сняли тему!” Монитор гаснет, пальцы успокаиваются. Всё» (С. 158).

II. Интертекстуальный фон

Мы, однако, продолжим «ещё чуть-чуть» и попытаемся определить возможные подтексты, так или иначе соотносимые с тематикой рассказов Куприенко. Основной ход писателя – амбивалентное овладение ценностями «бывалого человека» – имеет сравнительно широкий интертекстуальный фон: тематическая и языковая демократичность, узнаваемые типажи и характерные бравадные интонации могут быть распознаны и у Есенина, и у Высоцкого («Где твои семнадцать лет? На Большом Каретном...») и весь корпус текстов романтико-блатной тематики), и у Шукшина. Здесь важны не столько конкретные совпадения, сколько соотнесение единого мотивного комплекса, развивающего указанный тематический ход.

В новейшей отечественной литературе аналогичные тематические и смысловые стратегии, проявляющиеся с особенной отчётливостью, можно встретить не столько в прозе, сколько в поэзии – здесь в первую очередь нужно указать на Сергея Гандлевского и, отчасти, Бориса Рыжего. Совпадения (на общем мотивном уровне) рассказов Куприенко с дискурсом Гандлевского вполне последовательны. Общие смысловые акценты налицо: память, жизненный масштаб («Дай Бог памяти вспомнить работы мои / Дать отчёт обстоятельный в очерке сжатом...»), перемены, скитания, «очарованное странничество» («Верный лозунгу молодости “Будь готов!”, / Я готовился к зрелости неутоми-мо. / Вот и стал я в неполные тридцать годов / очарованным странником с пачки “Памира”»), счёт лет («Мельтешит предомной одиссея моя / Кинолентою шосткинского комбината»), ностальгия, превратности («На реке Иртыше говорила резня. / На реке Сырдарье говорили о чуде. / Подвозили, кормили, поили меня / Окаянные жесточённые люди»).

Схожие мотивы и тематику встречаем и у Бориса Рыжего – поэта традиционного, романтико-иронического склада, при жизни гордившегося своей подчёркнутой демократичностью и некоторой бравадностью: «Я работал на драге в посёлке Кытлым, / о чём позже скажу / в замечательной прозе. / Корешился с

ушедшим в народ мафиози, / любовался с буфетчицей небом
ночным. <...> // Да, наверное, всё это дым без огня, / да, актёр-
ство: слоняться, / дышать перегаром. / Но кого ты обманешь! А
значит, недаром / в приисковом посёлке любили меня» («Я ра-
ботал на драге в посёлке Кытлым...»). Примеры, как и в случае
с Гандлевским, можно продолжать: несмотря на разницу лет,
совпадают не только тексты, но время, место, судьба. Веселя-
щий газ «замечательной прозы», о которой мечтал не успевший
воплотить всех творческих планов Борис Рыжий, всё же оказал-
ся способен к воплощению в кристаллическую форму в произ-
ведениях Куприенко. Благодаря цельности его природы отдель-
ные клочки жизни сложились в мозаику повседневности. На фо-
не модернистских интертекстов, постмодернистских коллажей и
прочих «неопознанных литературных объектов» эти рассказы
выглядят подчёркнуто ручной, облегчённой вариацией на жи-
тейски драматичные и комичные темы. Но сделанной легко и
непринуждённо, обогащающей смыслом за счёт характерного
узнавания не литературных цитат, но — повседневного опыта
каждого прохожего читателя.